

То, как Хан Сиэнь — тихо, без лишнего шума — одним махом низверг Великую принцессу, к которой император всегда питал слабость, не могло не повергнуть столичных чиновников в изумление. Однако стоило им узнать, чьих это рук дело, как удивление тут же улетучилось. Сейчас в умах придворных мужей касательно столичных новостей царило весьма своеобразное настроение.

Возьмем, к примеру, случай с Великой принцессой. Первой реакцией на подобные известия должно было стать потрясение: «Что? Государь лишил Великую принцессу титула? Фан Цзо брошен под стражу? Но почему? Ведь она занимала особое место в сердце императора! Нужно немедленно во всем разобраться, разузнать, что за беда стряслась. Проверить, нет ли у нашей родни связей с ее усадьбой, не навлечет ли это гнев на наши головы? С чего вдруг среди ясного неба грянула эта буря?»

Но стоило упомянуть, что дело касается Хан Сиэня, как на вельмож снисходило странное, почти пугающее спокойствие. Для них наследник Хан стал кем-то вроде стихийного бедствия: если уж он взялся за дело, то не имело значения, насколько ты дорог государю. Для этого человека не существовало тех, кого он побоялся бы задеть, как не существовало и тех, кого он не смог бы уничтожить. В такой ситуации паниковать было бессмысленно, да и разузнавать подробности — тоже. Если его длань тянулась к тебе, оставалось лишь уповать на милость будд. Все остальное — воля рока.

В глазах столичного чиновничества Хан Сиэнь прослыл безумным цепным псом. Мало того что он вцепился в любого, кто попался на пути, так еще и последствия его укуса были страшными: личная гибель считалась самым легким исходом. Обычно за ней следовали конфискация имущества и истребление всего рода под корень.

Поэтому в случае с Великой принцессой никого не заботило, какое именно святотатство она совершила и почему император так разгневался. Вывод напрашивался один — ей просто не повезло навлечь на себя внимание Хан Сиэня. Иначе как объяснить, что, благополучно бесчинствуя долгие годы, она лишилась всего и разрушила семью едва лишь вернулась в столицу и столкнулась с ним?

Вскоре поползли слухи, что в застенках Верховного суда Фан Цзо окончательно лишился рассудка. Каждую ночь он истошно вопил, моля о пощаде, и утверждал, будто в камере за ним кто-то следует по пятам, желая убить. Те, кто был посвящен в тайны следствия, шептались, что имена, которые безумец выкрикивал в бреду, принадлежали его былым жертвам.

В конце концов, одним туманным утром Фан Цзо нашли мертвым — он разбил себе голову о каменную стену камеры. Узнав об этом, Великая принцесса той же ночью «случайно» утонула в пруду собственной усадьбы.

Весть о гибели сестры привела императора в ярость. Он догадывался, что Великая принцесса скрывала от него нечто важное, и все это время ждал от нее чистосердечного признания.

Государь даже намекал, что если она во всем сознается, то Фан Цзо сохранят жизнь. И принцесса уже была готова уступить ради спасения сына, как вдруг случилась эта трагедия. Две жизни оборвались разом. Тяжелая, мрачная дума легла на сердце государя. Он не стал поднимать шума, но тайно передал Хан Сиэню повеление — во что бы то ни стало расследовать это дело до конца.

Приняв императорский указ, Хан Сиэнь выслушал посланника с величайшей серьезностью и почтением. Доставивший весть евнух остался доволен его видом, да и сам государь, получив доклад, сменил гнев на милость.

Расправа над Великой принцессой вознесла имя Хан Сиэня на новую высоту. Отныне слава о его беспощадности гремела не только в столице, но и разнеслась по самым глухим окраинам Великой Чжоу и даже за ее пределы, сделав его живым воплощением коварства и злобы. Впрочем, к подобным толкам сам Хан Сиэнь оставался глух, пропуская пустые слухи мимо ушей.

После падения Великой принцессы посторонним казалось, что молодой маркиз безвылазно сидит в герцогском поместье. Однако соглядатаи, приставленные следить за его усадьбой, знали: Хан Сиэнь покидает дом с завидным постоянством. Вот только их ищейки никак не могли уловить, в какой момент и как именно он исчезает. Им казалось, что наследник находится у себя в покоях, а в следующее мгновение они с изумлением замечали, как он неторопливой походкой возвращается в поместье прямо со стороны оживленной улицы. Наблюдавшие за ним пребывали в глубоком замешательстве. Становилось очевидно: юношу оберегают мастера скрытности высочайшего класса.

К такому же выводу пришли и обитатели поместья герцога Хань во главе с Хан Чжо. Однако разузнать хоть что-то им было не под силу, и истинные замыслы Хан Сиэня, равно как и результаты его поисков, оставались покрыты завесой тайны. Конечно, находились и те, у кого от страха спал сон и пропал аппетит: карающий меч Хан Сиэня мог обрушиться на их головы в любую секунду.

В один из таких дней Хан Сиэнь неспешно вернулся в свой Дворик Душистых Орхидей. При виде Би Хуа выражение его лица едва заметно омрачилось. Старая рана на плече заныла от бесконечных верховых поездок последних дней, и он расположился прямо у порога комнат, приказав служанкам сменить повязку.

По логике вещей, перевязывать раны следовало бы внутри, укрывшись от сквозняков, но Хан Сиэнь пожелал остаться на воздухе, а перечить ему в Дворике Душистых Орхидей никто не смел.

Пока Чэнь Сян и Би Хуа осторожно меняли снадобье на его плече, Хан Сиэнь полуприкрыл глаза, погрузившись в дремоту. Словно вспомнив о чем-то, он небрежно бросил:

— Принесите ту картину.

Под картиной, разумеется, подразумевался написанный Баем Шу портрет в полный рост.

Стоявшая поодаль Юнь Чжи поспешно и ласково отозвалась, кинувшись исполнять поручение. В то же мгновение пальцы Би Хуа, бинтовавшей плечо юноши, дрогнули. Она слишком сильно затянула ткань, и едва затянувшаяся рана вновь открылась, окрасив чистый холст каплями алой крови.

От резкой боли Хан Сиэнь открыл глаза. На его лице не отразилось ни гнева, ни раздражения — он лишь устремил на служанку холодный, пронзительный взор.

Лицо Би Хуа мгновенно утратило краски. Мелко дрожа всем телом, она опустилась на колени. Губы ее беззвучно шевелились, но страх сковал язык, не позволяя вымолвить ни слова пощады.

Чэнь Сян, не смея поднять глаз на подругу, дрожащими пальцами быстро завершила перевязку, после чего опустилась на колени рядом с Би Хуа.

— Простите нас, наследник, — тихо проговорила она.

Ло Ся и Юнь Чжи растерянно переглянулись. Юнь Чжи, впрочем, сориентировалась быстро и, опустив голову, поспешила в покои за свитком. Картина лежала на своем обычном месте, ведь личных вещей у Хан Сиэня было немного, так что найти ее не составило труда.

Опершись на мягкий валик, Хан Сиэнь повелел служанкам подняться. Чэнь Сян, собравшись с духом, встала, но у Би Хуа колени сделались точно ватными, и она осталась сидеть на полу. Хан Сиэнь скользнул по ней равнодушным взглядом, отчего девушка склонила голову еще ниже.

В глазах Хан Сиэня вспыхнул опасный огонек любопытства.

Ло Ся, толком не понимавшая сути происходящего, поначалу хотела было заступиться за подругу, но, вовремя уловив перемену в атмосфере, беззвучно прикусила язык. Зная нрав своего господина, она могла лишь молиться, чтобы Би Хуа не совершила какую-нибудь глупость, за которую придется платить головой.

Когда Юнь Чжи принесла свиток, Хан Сиэнь принял его, небрежно положил рядом с собой и ровным голосом произнес:

— Оставьте нас. Би Хуа, ты останься.

Чэнь Сян и остальные поспешно удалились.

В повисшей тишине Хан Сиэнь не произнес ни слова. Он даже не смотрел на распластавшуюся на полу девушку, его взор блуждал где-то в глубине комнат. Он невольно вспомнил время, когда только очнулся в этом теле. Тогда в усадьбе не было ни единой души, кому была бы небезразлична его судьба. Столы покрывал толстый слой пыли, сундуки стояли пустыми, а чаши из-под горьких снадобий валялись где попало. Но Би Хуа оказалась умной и хваткой. Заметив перемены в молодом хозяине, она первой поспешила выказать ему преданность.

Вспомнив, как сурово он обошелся тогда с матушкой Дун, Хан Сиэнь тихо усмехнулся. Ему показалось, будто все это происходило в какой-то прошлой, бесконечно далекой жизни.

Этот негромкий смех испугал Би Хуа сильнее любого крика. Она трижды ударилась лбом о холодный пол и взмолилась:

— Наследник, пощадите! На мне тяжкий грех!

Не дожидаясь расспросов, она поспешила облегчить душу, выкладывая все, что томило ее последние дни.

Виной всему оказалась ее семья. Кто-то намеренно начал притеснять ее отца и братьев, из-за чего Би Хуа лишилась сна и покоя. В этот тяжелый момент к ней тайно подослали Минъянь, доверенную служанку госпожи Лю. Та намекнула, что если Би Хуа окажет госпоже небольшую услугу, то ее родных оставят в покое. Требовалась сущая безделица: следить за выездами Хан Сиэня, докладывать, с кем он встречается и не происходит ли в Дворике Душистых Орхидей чего-то из ряда вон выходящего.

Би Хуа разрывалась от сомнений. Она боялась идти на сговор с Минъянь, но и отказать не смела, а потому лишь туманно обмолвилась, будто у молодого хозяина хранится чей-то портрет. Имени Бая Шу она не назвала, уверяя, что сама не смеет поднимать глаз на картину.

Сегодня Минъянь вновь подкараулила ее и недвусмысленно дала понять: госпоже Лю нужны доказательства преданности. Чтобы успокоить госпожу, требовалось выкрасть какую-нибудь ценную для Хан Сиэня вещь. Тогда Би Хуа и подумала о свитке. Она даже тайно развернула его, но в последний момент совесть взяла верх, и она вернула картину на место.

Услышав из уст хозяина приказ принести картину, Би Хуа испугалась, что ее злой умысел раскрыт, и от ужаса перед неминуемой карой потеряла самообладание.

Хан Сиэнь молча выслушал ее сбивчивую исповедь, задумчиво поглаживая шелковистую поверхность свитка. Не обладая он своими особыми способностями, он вряд ли когда-нибудь сумел бы разгадать тайные помыслы тех, кто его окружал. Метания Би Хуа не укрылись от его взора, однако она ни разу не обратилась к нему за помощью, раз за разом твердя себе, что ее семейные невзгоды не должны обременять господина. Но за этой мнимой заботой скрывалось банальное недоверие.

Би Хуа была неглупой девушкой, однако ее суждения помутились еще в Цзяннани, когда ее бывшая госпожа, Янь Си, без памяти влюбилась в Хан Сиэня, не замечая его холодности.

По возвращении в столицу Хан Сиэнь отдал Би Хуа, сделав своей доверенной служанкой Чэнь Сян. Это задело самолюбие девушки, а тут еще подоспели беды с родней — неудивительно, что ее верность пошатнулась. Хотя, будь она чуточку проницательнее, то вспомнила бы, как Хан Сиэнь, едва обретя силу, увез их троих из старого поместья, спасая от неизбежных притеснений.

Возможно, где-то в глубине души молодой маркиз действительно обладал той мягкостью, о которой некогда упоминал Бай Шу. Сам Хан Сиэнь этого, конечно, не признал бы. Да и не имело это значения. Он прекрасно понимал: не начни он этот разговор сегодня, через пару дней Би Хуа без колебаний бросилась бы в объятия госпожи Лю.

Предательство близких его не ранило — к людским слабостям он оставался безучастен. Пока это не нарушало его планов, он был готов мириться со многим. Но ему сделалось любопытно: для чего Хан Чжо понадобился его портрет через госпожу Лю?

Карать Би Хуа он не стал, однако от покоев своих отлучил навсегда.

Спустя полмесяца в поместье герцога Хань случилось примечательное событие. Хан Чжо, давно не заводивший новых увлечений, во время неспешной прогулки по саду услышал тихий плач. Заглянув в самый запущенный уголок усадьбы, он обнаружил юную служанку, которая безутешно рыдала, баюкая ушибленную ладонь. При виде хозяина девица испуганно вскрикнула и бросилась наутек. А через два дня она уже делила ложе с могущественным герцогом.

Счастливицей оказалась старая знакомая из Дворика Душистых Орхидей — Тао Яо.

Обретя столь высокое покровительство, Тао Яо не скрывала своего торжества. Хан Чжо уже несколько ночей кряду проводил в ее покоях, отчего госпожа Лю исходила глухой злобой. Но Тао Яо лишь презрительно усмехалась: после всех унижений и лишений, что ей пришлось вытерпеть, ревность законной супруги казалась сущим пустяком.

Ее мать, женщина недалекая и алчная, решив, что дочь окончательно лишилась милости старой госпожи, уже вознамерилась выдать ее замуж за первого встречного простолюдина. К счастью, Тао Яо вовремя подслушала разговор Хан Сиэня. Тот вскользь упоминал, что Хан Чжо, при всей своей внешней благопристойности, не прочь вкусить свежих лакомств, однако подобраться к нему непросто — за долгие годы службы он научился видеть людей насквозь. Лучший способ привлечь его внимание — сыграть на естественном испуге и беззащитности. А еще Хан Сиэнь обронил, что герцог любит гулять в глухих аллеях сада, и если бы там каждый день плакала какая-нибудь прелестница, это непременно обернулось бы для нее удачей.

Тао Яо зацепилась за эти слова, решилась на отчаянный шаг — и выиграла.

На увлечение герцога новой наложницей никто, кроме разгневанной госпожи Лю, не обратил внимания. Однако не успел Хан Чжо насладиться прелестями Тао Яо, как в императорском дворце разразилась буря, заставившая его позабыть о плотских утехах и погрузиться в пучину забот.

Госпожа Лю воспользовалась случаем, чтобы жестоко проучить выскочку, но Тао Яо, понимая, что ее единственной опорой остается герцог, безропотно сносила побои, не смея больше выказывать былую спесь.

Вскоре по столице поползли слухи, будто государь без памяти влюбился в новоявленную фаворитку. Узнав об этом, Хан Сиэнь немедленно отправился во дворец.

Однако аудиенции он так и не удостоился. Евнух Юань Бао лишь развел руками, пояснив, что государь чрезмерно занят важными делами и принять его не может.

Весть о том, что молодому маркизу указали на дверь, мгновенно разлетелась по столице. При дворе зашептались: жестокий временщик наконец-то утратил доверие императора.

<http://bllate.org/book/20088/2002048>